
город в дымке как ванна в пене
отключили горячую воду
счет пришел начислили пени
и еще начислят походу

а потом переходит дымка
в белый пар растворяющий крыши
это верно небес владыка
наклоняясь над городом дышит

а потом наступает лето
ненадолго конечно а на день
и горят от счастья котлеты
у соседки с именем надя

открывает надежда окна
остается надежда нагая
и в слепое владыки око
будто в теплую ванну шагает

еще не умерли но встретились на том
на красном свете
чуя перекресток
качнулся крест распахнутый Христом
и ленточка «Геоργия»
нахлестом

таксист ладонью выдавил гудок
ушел направо по диагонали
и свет погас и снова свет зажег
трехглазый бог

друг друга не узнали

человек бумажный как пароход
по воде идет
в его карманах бабочки пустые
ладони распустились журавлями

вода ведет в пустынный переход
где голоса под сводами застыли
но позже поглощаются щелями

и вот уже у самого метро
он вспоминает теплое ядро
и вот теперь ему невыносимо
как помнить о рождении и как
его из теплой бездны выносили
и оставляли плакать на руках

они ушли а он что идиот
звезда горит над ним без всяких терний
бумажный человек идет идет

идет идет идет
бумага терпит

маменька нас атакуют боты
проповедники и глисты
люди идут с работы
сбрасывают хвосты

в соседней высотке с балкона
вытряхивают ковер
я завернулся в него как в кокон
будто я бабочка а не вор

одно отрастил крыло вместо
второго плавник
мам я лечу
как учила еще до детства
головой вниз

прими меня
будь нежная как сатин
будто не много нас
только я один

чем я останусь
титром из новостей
рефлексами на воде
словом о том
как я ловил бабочек в темноте
неуклюжим ртом

окунь

хватает ртом воздух безрезультатно
видимо воздух выходит сквозь дырочку от крючка
рыбья смерть глупа и хвостата
вместо косы ржавый остов сачка
левым глазом окунь глядит — под ним холодная глыба
правым глазом глядит — над ним неземная твердь
смерть разевает рот но молчит как рыба
как и любая смерть

вот пол и спелый пенопласт
хрустящий как усталость глаз
в углу на вымытом балконе
где проводов витые корни
обоев кольца годовые
обняли чьи-то кладовые
и сердцевину берегут

тук-тук тук-тук тук-тук тук-тук
там время капает а тут
еще затягивает жгут
пугает медленной иглой
случайный луч квартал жилой
он пробирается туда
где пенопласт и провода
живой свидетель мертвый груз
по памяти в которой тесно
внутри нащупывает хруст
случайно сломанного детства